

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА -- 1924 г. — ЛЕНИНГРАД**

МУРАСАКИ-СИКИБУ

ПОВЕСТЬ О ГЭНДЗИ, БЛИСТАТЕЛЬНОМ ПРИНЦЕ

(Гэндзи-моногатари)

Начало XI столетия по Р. Х. ознаменовано величайшим событием в истории литературной Японии: в 1004 году был закончен роман, ставший потом известным под наименованием: «Гэндзи-моногатари» — «Повесть о Гэндзи».

Выдающееся положение Гэндзи-моногатари объясняется тем, что он является центральным произведением той эпохи, которая признается для японской литературы классической. Это — эпоха Хэйан, IX — XII столетия по Р. Х., ознаменованные необычайным расцветом художественного творчества. Японская поэзия знает здесь свою знаменитую Антологию «Кокинвакасю» — огромное собрание известных японских «коротких стихотворений» — Танка; японская проза — гордится целым рядом романов, из которых Исэ-моногатари и эта «повесть о Гэндзи» становятся образцами для всех последующих времен. Эта литература Хэйанской эпохи связана с теми, кто ее порождал и кто ею наслаждался. Все эти столетия Япония представляла собою картину неограниченной гегемонии аристократического сословия, монополизировавшего всю культуру, обратившего себе на служение все то богатство цивилизации, которое представлял в то время Китай. Китай — эпохи Танской империи (618 — 907), сам переживавший полосу расцвета литературы и искусства, — вместе с государственными формами, правовыми институтами и философскими максимами передал своей подражательнице и наследнице по ту сторону японского моря и все богатство своей литературной эстетики. Японцы Хэйана воспитывались на знаменитых Ли-бо, Бо-Цзюй-и и других танских поэтах, великих повсюду, где живет и известен китайский иероглиф. Воспитывались и подражали. Но подражали так, что создали свою собственную, блестящую и во многом самобытную литературу. Художественно-литературный кодекс Китая способствовал изоляции их эстетических вкусов и требований, углублял и рафинировал их, — по во всем другом он предоставлял полную свободу. И Хэйанская литература поистине может быть названа в полном смысле этого слова национальной. — Впрочем, с одной лишь оговоркой: сфера ее жизни, ее действия и влияния ограничивалась в эпоху ее появления одним лишь сословием — аристократией и все ее содержание — зеркало души этой аристократии, зеркало ее вкусов, привычек и быта.

Из этого сословия явились и сами творцы. Почти принц по своему происхождению был автор Исэ-моногатари; придворной же дамой является и та, которая создала «Повесть о Гэндзи». Зовут ее Мурасаки-сикибу.

Собственно «Мурасаки» — было ее имя, или скорей даже прозвище. «Сикибу» — всего лишь титул, звание, — указывающее на связь ее с дворцовой «табелью о рангах». Происходя из знаменитого, первенствующего среди аристократии рода Фудзивара — хоть и из боковой его ветви, — она не могла не служить во дворце. И все, что она описывает в своем романе, что она так детально, с такой тщательностью воспроизводит, — все это — быт этого дворца и тех, кто с ним тесно соприкасался.

Сам герой — «Гэндзи, Хикару-ими», — Гэндзи, блистательный принц, не только из тех же кругов, но даже больше: он сын самого властителя страны от его любимой, рано умершей наложницы. Не пося официально, по обычаю тех времен, титула принца, он тем не менее для всех оставался именно им, — и если не по званию, то по своей красоте и блистательности.

Этим предопределяется и содержание романа. Все его 54 главы, большую частью солидных размеров каждая, повествуют о странствованиях этого Гэндзи, — конечно, по тропам нежной страсти. Хэйанский уклад, весь жизненный быт его сословия был насквозь пропитан любовной игрою, и на почве этой последней плелась причудливая ткань взаимоотношений. Хэйанская эпоха — своего рода «галантный век», век «кавалера и дамы».

Приводимый ниже отрывок должен дать первое на русском языке представление о романе Мурасаки. Ниже полностью переведена целая глава романа — именно третья по счету, носящая поэтическое название «Удусэми» — цикада. Всеми своими элементами — содержанием, формой и духом, — она может явиться представительницей всех своих подруг — остальных глав. Течет прихотливо фабула, меняются положения, но основной характер остается один и тот же.

Первые две главы романа повествуют о первом периоде жизни героя — этого блистательного Гэндзи. Родившись во дворце, будучи сыном самого императора, он хоть и остался, после ранней кончины матери, один, без заботливых ее попечений, но благодаря своему нраву и поразительной красоте — скоро приобрел всеобщую любовь. Базовень всех во дворце, любимый и императором, он быстро развился в изящного кавалера и ступил на типичный «Хэйанский» путь: путь любовных приключений. В конце второй главы Гэндзи увлекается замужнею женщиной: женою одного провинциального администратора — старика, женившегося вторым браком на очень молодой девушке. Смелыми действиями он овладевает ею, но Удусэми — так обозначается она в третьей главе — преисполнена скорби: уступив один раз блистательному любовнику, она решительно восстает против продолжения связи с ним, у нее не обычный для Хэйанских дам характер. Гэндзи ропщет, пишет, требует, — но она ни звука в ответ. Тогда он решается на хитрость: взяв к себе на службу маленького брата Удусэми — Когими по прозвищу, и приблизив его к себе, как поверенного, он пытается действовать через него. И вот, в конце второй главы Гэндзи остается под удобным предлогом почевать в доме, где живет эта жестокая дама; остается с тем, чтобы ночью тайком пробраться к ней, в надежде воздействовать на нее личным присутствием. Но каково его горе, возмущение и негодование, когда Удусэми, предвидя все это, заблаговременно перебирается спать к служанкам, в общую спальню. Гэндзи, вне себя, принужден был вернуться в отведенную ему комнату вместе со своим верным поверенным — Когими. На этом заканчивается повествование второй главы.

« Ц И К А Д А »

((Удусэми))

Лежа в постели, Гэндзи говорил Когими:

«Я не привык к тому, чтобы меня так ненавидели. Сегодня вечером впервые я понял, как горька эта жизнь. Это — такой позор, что вряд ли я перенесу его». — И отрок, лежа рядом, заливался слезами.

«Какой он милый!» — подумал Гэндзи. Дотронулся рукою: его тонкое маленькое тело казалось ему как-то похожим на сестру, — на неё, с ее недлинными волосами.

Итти, насильно вторгаться к ней, было неудобно, и Гэндзи в горестных думах провел всю эту ночь. Он не вел, как обычно, ласковых речей с Когими, — и еще стояла глубокая ночь, как он ушел из этого дома.

А отрок остался один в грустных и печальных думах.

И у той также было не по себе на сердце. Никаких вестей от Гэндзи не получалось, и она решила: «Верно он так теперь досадует на меня»...

А в мыслях мелькало:

«Как грустно, если все так и закончится!—Не то это... Но с другой стороны, если он не оставит таких, несущих одни неприятности, действий—создастся совершенно безвыходное положение. Нет! Уж лучше во время порвать это все»—так размышляла она, а взор у самой так задумчиво-рассеянно уходил куда-то вдаль.

А Гэндзи,—зная хорошо, что не пристала ему эта любовь, все же не мог расстаться с нею: все время на сердце у него была она, и томясь так, что даже было неловко перед другими, он не раз говорил Когими:

«Мне так горько, так грустно! Стараюсь насильно отвратить от неё свои мысли, но сердце не слушается и мучается, страдает оно. Найди удобный случай! Постарайся хоть обманным образом устроить так, чтобы я мог встретиться с нею!»

И отроку так радостна была эта ласковая просьба Гэндзи!—хоть и знал он, как это трудно,—хоть и касалось это все такого дела.

Своим детским сердцем следил он все время, не настанет ли как-нибудь этот удобный момент, и случилось, что муж этой женщины уехал в свою провинцию. В доме на свободе расположились одни только женщины.

«В сумраке вечернем—скрыт, утаен путь»...—говорится в стихотворении, и под покровом темноты Когими повез Гэндзи в своем собственном экипаже в дом сестры. «Ребенок он еще,—как бы не вышло чего-нибудь!»—размышлял Гэндзи, но не будучи в силах совладать со своими думами о ней, торопил отрока, чтобы поспеть к дому до закрытия ворот, и старался только, чтобы его не заметили.

Когими поставил экипаж в незаметном месте и помог Гэндзи сойти. Ввиду того, что он еще был ребенок, привратник не обратил на него особого внимания и не вышел к нему. Все обошлось благополучно. Поставив Гэндзи у входа на галерею с восточной стороны, отрок стал громко звать и стучать в спущенные жалюзи с южной стороны и вошел внутрь дома.

«Почему это у вас спущены жалюзи, когда так жарко?»—спросил он и служанка ему возразила:

«Ведь отсюда ж все видно внутри»...—и прибавила:

«У нас сегодня гостья—госпожа из западного флигеля. Они сейчас играют в шашки».

Гэндзи очень захотелось посмотреть на этих двух женщин друг возле друга и, потихоньку пройдя в дом, он скрылся промеж спущенных занавесей.

Жалюзи, через которые прошел Когими, еще не были спущены, и сквозь открывшееся пространство он бросил взгляд в западную часть помещения.

Ширмы, стоявшие на том конце, также были с краю свернуты; занавески, могущие мешать взору, были подняты по случаю жаркой погоды,—и все было совершенно явственно видно.

Рядом с обеими женщинами горел светильник.

Та, что прислонилась к средней колонне этого центрального покоя в доме, — была она, — что лежала на сердце у Гэндзи. Он прежде всего обратил свой взор на неё: — на ней было надето легкое платье из лиловой кисейной материи, поверх которой было что-то накинуто; со своей изящной головкой и маленьким телом она не бросалась в глаза своим видом; и лицом своим, — при обращении к другим, она старалась держать себя так, чтобы не привлекать на себя внимание; руки ее были тонкие и худые, — и она всячески старалась их прятать.

Вторая женщина сидела, обратившись к востоку, и была вся отчетливо видна.

На ней было прозрачное платье, с кое-как наброшенной поверх виноградного цвета накидкой; весь облик её, с грудью, открытой до самого низу, где завязываются уж шнур и юбок, был исполнен непринужденности и небрежности; с красивой белой кожей, с округлым полным телом, довольно высокая ростом, со свежими очертаниями лица и овала щек, с миловидными глазами и устами, она представляла собою цветущую фигуру; густые пышные волосы были недлинные, но красиво ниспадали на плечи; она казалась прелестной во всем, без изъянов в чем бы то ни было.

Гэндзи с любопытством разглядывал её. «Родитель прав, что считает её единственной на свете!» — подумал он. Хотелось бы немножко спокойствия, мягкости, — но это вовсе не значило, что она была и так плоха. —

Игра шла к концу, и когда она быстрым жестом бралась за пашки, ее движения были, казалось, немного резки и порывисты. Та же, другая спокойно и мягко проговорила: «Постой! Это же не та фигура»...

«На этот раз я проиграла! Начнем считать!»... — и гостья стала считать, сгибая пальцы:

«Десять! Двадцать! Тридцать! Сорок!»... — положительно, это было немножко не хорошо в ней.

Глаза у старшей как будто немного припухли, формы носа не были правильно очерчены, ничего выдающегося в ней не было; если бы разбирать все в подробности, она оказалась бы скорее даже просто некрасивой, но у нее были выдержка и манеры, — и облик ее, как проникнутый подлинным вкусом, останавливал на себе внимание даже более, чем той, которая превосходила ее красотой.

Впрочем, и у той — оживленной, очаровательной, красивой — свободно себя держащей, смеющейся — было много прелести; в своем роде и та была прекрасна.

«Что за взбалмошная особа!» — подумал Гэндзи и его легкомысленное сердце, казалось, не хогело уже упустить из вида и ее...

Все те женщины, которых встречал до сих пор Гэндзи, церемонно держались, были чинно разряжены, отворачивали скромно при разговоре свое лицо.

Он видел лишь одну внешнюю показную сторону их. Ему не приходилось наблюдать их вот так, украдкой, когда они чувствовали себя совершенно свободно.

«Бедняжки!» — подумал он: «ничего не подозревают и дают так себя разглядывать».

И хотелось ему долго-долго стоять так и смотреть.

Но слышались шаги Когими, и Гэндзи тихонько выскользнул оттуда и стал на свое прежнее место у галереи.

«Это ужасно! Держать так господина...» — беспокоился отрок и, обратившись к Гэндзи, сказал:

«Сегодня против обыкновения у нас гостя. Мне не удалось и подойти близко к сестре!»

«Что же? Значит и сегодня вечером ты хочешь, чтоб я так и ушел обратно? Разве это не жестоко?»

«Нет, нет! Что вы... уйдет к себе гостя, а я уж какнибудь обойду сестру», — возразил тот.

«Однако, вид у него таков, что, пожалуй, он какнибудь сломит ее сопротивление. Ребенок еще, а есть уже умение проникать в суть вещей и понимать человеческое сердце» — подумал Гэндзи.

В этот момент внутри, как-будто, закончилась игра в шашки. Послышалось движение, и, как-будто, стали расходиться.

Одна из служанок крикнула: «Молодой господин! Где вы там? Я сейчас буду закрывать эти жалюзи». — и Гэндзи обратившись к отроку, молвил: «Все улеглись. Иди и постарайся сестру обойти!»

Когими знал, что сердце сестры непреклонно и твердо, и не зная, что ей и сказать, решил про себя просто ввести прямо к ней Гэндзи, улучив момент, когда вокруг никого не будет.

«Ведь здесь сестра Кино-ками? Дай мне немножко взглянуть на нее!...» — обратился к отроку Гэндзи.

«Как же это сделать? Ведь там за жалюзи еще спущены и занавески...» — возразил тот.

«Так-то оно так, — и все ж я только что...» — засмеялся мысленно Гэндзи, но не сказал ему, что он все уже видел.

«Жалко бедняжку!» — подумал он.

«Неприятно только стоять и ждать так до ночи», — только заметил он вслух. — Постучав вновь, отрок вошел во внутренние помещения. Кругом было уже тихо, все улеглись.

«Я лягу здесь у входа. Ветерок! ты обвевай меня!» — проговорил он и, постелив себе постель, лег. Вся женская прислуга расположилась на ночь в восточных покоях дома; туда же ушла спать и девочка, открывавшая Когими дверь.

Некоторое время отрок притворялся спящим; потом встал, расставил у светильника ширму и в темноте потихоньку ввел Гэндзи.

«Как бы не вышло чего-нибудь!» — подумал Гэндзи и совесть его немножко колола.

Однако он последовал за Когими и, приподняв опущенные занавески, был готов проскользнуть уже в комнату женщины. Вокруг все мирно покоилось, и среди ночной тишины слышался только мягкий шелест одежд Гэндзи.

Женщина была даже рада тому, что Гэндзи, казалось уже забыл про нее. Однако, это дивное свидание, мелькнувшее как сон, не могло отойти от ее сердца.

Она не в силах была забыть «в спокойном, безоблачном сне»; «день весь в мечтаньях, а ночью лежу вся в думах одних»; «не весна ведь, а не знаю ни минуты я забвенья...»¹⁾ — так вздыхала она.

Девушка, игравшая с ней в шашки, заявила: «Я здесь тоже с тобою!» — и бесцеремонно улеглась вместе с нею. Служанки спали крепко, ничем не волнуемые.

Аромат от надушенных одежд Гэндзи разнесся повсюду, и женщина приподняла от изголовья свою голову. Несмотря на окружающий мрак, сквозь отверстие занавесей частично приподнятых из-за жары, была явственно видна приближающаяся фигура. «Какой ужас!» — подумала она, и, не успев даже размыслить хорошенько, тихонько поднялась и в одной легкой ночной одежде выскользнула из постели и убежала из комнаты.

Гэндзи вошел и видя, что на постели лежит только одна женщина, успокоился.

Невдалеке, внизу, спали две прислужницы. Сдвинув покров он лег с нею рядом.

Ему сразу же бросилось в глаза, что она как будто бы несколько иная, чем при первом свидании, но он ничего еще не заметил.

Однако, ему показалось странным то, что она так крепко и безмятежно спит, — и, в конце концов, он открыл, что это не та.

Гэндзи почувствовал замешательство:

«Она сразу поймет, что я пришел не к ней и выйдет ужасно! А та!.. убежать так, когда я пришел только к ней, — это значит, что она лишена всякого чувства, считает меня за глупца!» — размышлял он.

«Это ведь та, что казалась такой красивой там при огне светильника. Как быть с нею?» — подумал он вновь, и в этом сказалась испорченность его сердца.

Наконец, открыла глаза и девушка, но от полной неожиданности совершенно оцепенела, и — не будучи в состоянии ничего сообразить, — не прибегла ни к чему...

Для женщины, еще не знавшей света, она оказалась довольно искусной, — не робела и не смущалась.

«Сейчас она ничего не скажет про меня», — подумал Гэндзи: «но потом, когда станет соображать, как это все могло произойти, несомненно догадается, в чем дело. Для меня это ничего не значит, но для той — жестокой, так заботливо старавшейся скрыть все от света, это будет очень

¹⁾ Фразы из известных стихотворений того времени.

неприятно». — И Гэндзи повел искусную речь о том, что он уже несколько раз приходил сюда под предлогом временного приюта на ночь.

Опытный человек понял бы все сразу, но — она была очень еще молода, и как ни была сообразительна, все же уразуметь истину не могла.

Она не была неприятной Гэндзи, но все же у него было такое чувство, что в ней нет ничего, что могло бы привлечь его сердце. И даже в это мгновение он с досадой и горечью помышлял о сердце той — жестокой:

«Ведь где-нибудь прячется тут и смеется: Вот, мол, глупое-то положение... Редко, где сыщется другая такая упрямец» — так размышлял Гэндзи, и образ той неотступно стоял перед ним.

Но все же и эта, с ее молодостью и доверчивостью, была мила ему, и он любовно повел с нею речь о дальнейших свиданиях:

«Не нужно, чтобы знали другие. Так лучше втайне... «Прелести больше» — как говорили в старину. И ты полюби меня. Мне же приходится считаться со светом и я не могу следовать одному лишь своему сердцу. Кроме того, если все разгласится, начнем волноваться, как бы тебе не запретили те, кто вправе, эти свиданья. Не забывай и поджидай меня вновь!» — говорил он обычные речи.

«Мне стыдно, что обо мне станут думать.. Поэтому я вам писать не буду», — могла сказать девушка все, что у нее было в мыслях.

«Если все об этом будут знать, — правда, нехорошо. Но мы можем пересылать друг другу через Когими. Ты же смотри, не подавай и вида ни в чем!» — закончил Гэндзи и захватив, с собою легкую одежду, сброшенную той, вышел из комнаты и стал будить отрока, здесь же поблизости лежавшего. Тот спал беспокойно и поэтому сейчас же испуганно открыл глаза.

Когда он стал осторожно открывать наружную дверь, вдруг послышался голос старой служанки, громко сиропившей:

«Кто это там?»

«Это я!» — в досаде ответил отрок.

«Что это ты там ходишь по ночам?» — воскликнула та и, собираясь как бы проверить, вышла из комнаты.

«Ничего особенного! Вышел немножко сюда, — вот и все!» — и с этими словами Когими вытолкнул Гэндзи на галерею.

Было уже близко к рассвету и на небе выступила яркая луна. При ее свете фигура Гэндзи сразу же стала заметной.

«Там еще кто-то... Кто это?» — спросила старушка: «А.. это как будто ты — Минбу ¹⁾. Ну и рост же у тебя, право!» — добавила она.

Над этой Минбу всегда потешались за ее высокий рост.

Думая, что отрок вышел вместе с этой Минбу, старушка заметила:

«Скоро, скоро и ты сравняешься с нею», — и с этими словами вышла наружу.

Гэндзи был в замешательстве: ведь нельзя же было втолкнуть ее обратно, — и стоял прижавшись к галерее, стараясь быть как можно более незаметным.

¹⁾ Имя одной из служанок.

Старушка подошла к нему:

«Ты сегодня здесь наверху, с господами? А я с третьего дня не знаю, куда деваться от болей в животе, — вот и сидела там, на кухне. Вчера перебралась сюда наверх: сама госпожа позвала, — и народу здесь мало! — говорит... Но все еще болит прямо нестерпимо! — горевала и жаловалась она и, не дождавшись даже ответа Гэндзи, успев бросить ему только: Ой, ой! опять боли... Прости, пожалуйста!» — поспешно удалилась.

«Да, такие путешествия опасны!» — подумал Гэндзи.

С него было довольно. В сопровождении Когими он отправился к себе домой.

Рассказывая отроку обо всем случившемся, он выразил ему свое недовольство:

«Это ты — так по-детски не доглядел». Ломая пальцы свои, слал сердцу той укоры и упреки, и полный сочувствия к нему отрок не мог произнести ни слова.

«Она так ненавидит меня, что я сам себе стал противен! Но почему же она — пусть сторонится встречи со мной! — не пришлет мне хоть приветливый ответ? Значит я хуже даже этого Ие-но-сукэ?»¹⁾ — говорил он вне себя, и, положив себе под одежду платье той жестокой, захваченное с собою, улегся на постель. Уложив рядом с собою Когими, он то упрекал его, то снова говорил ему ласковые слова.

«Ты — милый мальчик, но выходит так, что я не смогу тебя долго любить», — говорил убежденно Гэндзи, и отрок не знал, куда деваться от горя.

Гэндзи полежал некоторое время, но уснуть был не в силах. Придвинув к себе тушечницу, он на листке бумаги — не то, чтоб письмо, но так просто, как будто бы упражняясь — написал:

Одежду сменяла
Цикада свою...
Под деревьями здесь —
«Эта скорлупка пустая
Так дорога мне!»²⁾

Так написал он, и отрок спрятал эти стихи себе за пазуху.

«Что-то делает теперь та, эта девушка...» — побеспокоился Гэндзи, но, хорошенько поразмыслив, не велел ничего ей передавать.

Легкое платье было все пропитано благоуханием дорогой женщины и Гэндзи неустанно прижимал его к себе. —

Когда Когими явился домой, сестра его поджидала и стала ему выговаривать:

¹⁾ Имя мужа Удусэми.

²⁾ Японская цикада в определенный момент лета сменяет свою верхнюю кожу на новую. Старая сохраняет вполне форму цикады, и такие пустые скорлупки можно во множестве находить под деревьями. Гэндзи здесь, говоря о скорлупке, имеет ввиду одежду, сброшенную Удусэми и захваченную им к себе домой.

«Это ужасно, что произошло! Я его кое-как обманула, но толков нам не избежать. Положение безысходное. И о тебе самом-то, — что подумает Гэндзи?» стыдила его сестра.

Когими страдал и от одной стороны, и от другой, но все же вытащила записку, набросанную Гэндзи, и та всетаки взяла и прочла.

«Что он подумает теперь об этой пустой скорлупке — о моем платье? Верно скажет, что оно так же загрязнено, как одежда ребенка с побережья Исэ» — и ужасно сердилась.

Та, младшая, также все время чувствовала себя в смущении. Никто ничего не знал, и она тайком от всех погружена была в рассеянную задумчивость.

При виде проходившего Когими, у нее захватило в груди, — но вести от Гэндзи — не было.

«Значит, не любит!» — должна была бы подумать она, но по своей доверчивости только печалилась этому.

Та же — жестокая, хоть и успокоилась уже, все же — видя такую глубокую любовь Гэндзи, не могла вполне совладать с собою, хоть и не была она той, о которой поется:

«Если б той я была, что раньше...» «Если б смогла переменить себя самое я!»

На том же листке бумаги она написала:

«Та роса, что лежит
У цикады на крыльях,
Таятся в ветвях...
И таятся те слезы,
Что увлажняют рукав».

Перевел с японского

Н. Конрад

